
Всё утро кошки в мозгу скребут. Может, к деньгам, наконец?

И в связях причинно-случайных запуталась память моя - правды нет в голове.

Что-то давно уже Апполон к священной жертве не требует. Обидно...

Читаешь мемуары о великих художниках и поэтах начала века - и в России, и в Париже - и ... какое-то кошунственное чувство, мешающее видеть и слышать. Почти всегда - самовлюблённость . Один громче другого: „Я - гений! Я - гений!...“ Без малейшей иронии... Но при этом лукавое умение заводить полезные связи. Все великие знают друг друга. Помогают делать друг друга великими. Не брезгают и откровенной саморекламой, а то и скандалом. Лишь бы только увидели, услышали. Даже посмертная слава начинается с хорошо продуманной прижизненной саморекламы. Не отделаться от ощущения чего-то вульгарного. И дело тут не в подсознательной (белой?, чёрной?) зависти, раздражении, моральном снобизме. Просто с каждой страницей чувствуешь, как все эти жизнеописания уродуют их картины, стихи... Похоже, в 19 веке этого было гораздо меньше.

Смерть - это здоровенный детина в тренировочном финском костюме. Поигрывая мускулами и улыбаясь, он идёт на меня. Уже видно пересечённое шрамом, осоловелое лицо.

Если бы молодость знала, она б вообще ничего не могла.

Галлюцинация нации - приватизация. Опять на дело вышел брат твой Каин... Но я не сторож...

Подвизайтесь!

Мертвые лебенсраума не имут.

Дождь низвергается в круглые клумбы семенной бушующей влагой. Женщина в платье, прилипшем к телу, бежит сквозь сверкающий воздух. Тяжёлым стоном огласился парк. Чуть приподнялся фиговый листок - эррекция у статуи в аллее. Инстинкт одушевляет белый мрамор.

Утомлённое лоно нежно с членом прощалось.

В этот час ты призналась, что нет любви...

(Романс)

Русская лживопись. Глянцевитая глазуновщина-китч.

Хамо Советикус.

Шахер-махеризадница в трусах с чужого плеча.

Икотический смех.

Где наше Непропадало?

Пожалуйста, отодвиньте бёдра.

В 9 вечера пришла мысль. Долго крутилась вокруг да около - пыталась сказать что-то важное. Было с ней неуютно, и разговор не клеился. Ушла незаметно и опять погрузился в блаженную пустоту.

А чужая глупость в стихах всегда виднее.

Сильно изменился в последнее время. Голоса вокруг становятся всё громче, но смазаны лица... Может, тело себе подбирает душу?

Весь вечер грызёт совесть. Так, вообще, одни кости останутся.

Сизифов труд моих стихов мне скоро станет не под силу.
Я вам пишу, барахтаясь в абсурде.

Презентация. Комната, плотно набитая голосами и запахами. Кто-то всё время пронзительно смеётся. Вязкий воздух перевит никотиновыми нитями. Иногда воздух вспучивается знакомым лицом с говорящими красными губами. Потом губы останавливаются, пространство со свистом уходит в воронку рта, и дыра снова затягивается никотиновыми нитями...

„Господи, дай влюбиться!“

И весь разговор как пробел в тишине:
Боимся. Боимся остаться наедине.

Но тесно двум эго в одном разговоре.

Женщина, которая верит что всегда можно найти такие слова и так произнести их, что любая проблема исчезнет. Живёт как животное - одними инстинктами. Может сделать чудовищную подлость или наоборот имитировать благородство. Готова терпеть любые унижения - лишь бы получить то, что очень уж хочется. Может искренне произносить красивые фразы, писать щемящие стихи или талантливую сентиментальную прозу, делать всё что угодно в постели, терпеть когда ей плюют в глаза, просить прощения, отползать, снова подкрадываться... А через несколько часов всё то же самое так же искренне - с другим... И так годами...

Обещанного не ждут.

Я напишу, всё то, что напишу... а потом, громоздко ступая по буквам глазами, ты раздавишь словечки мои.

„Успокойся, никому ты не нужен.“

Не входи в историю. Не надо...

Тень души на бумаге - стихи... Через нас растущая святость.

Когда стихи это форма молитвы, то каждое фальшивое слово - грех перед Господом. А индульгенцию теперь достать трудно.

Но кроме того есть в полноценной, сочной рифме какое-то скрытое наслаждение - чувствуешь, как преодолевается сопротивление словесного материала. Может быть, поэтому так безразлична мне глагольная рифма.

На титульном листе имперской России экслибрисом Санкт-Петербург. Золотой кораблик, почерневший от фабричной копоти...

Я тоже с детства весь пропетербурженный... Уж слишком много бисера мечу.

До зубов вооруженная страна в половину Евразии. Миллионы недавно убитых гниют на бесконечной равнине в двенадцати временных зонах. Армии рабов-энтузиастов на костях строят великую утопию. Усатое лицо вождя всех времён и народов, усмехаясь, смотрит с небес на копошащихся в грязи строителей.

Врач-венеролог, всего в нескольких километрах от вождя, пишет роман. (Через 50 лет он станет чудовищно популярным.) Мастерская, чеканная проза о Пилате, Христе и Иуде.

Исступлённая Иудея на переломе эр. Бесплотный Христос, не от мира сего. Вызывающе искажённое (для чего??) Евангелъе. И тут же весёлый, симпатичный Дьявол-Воланд развлекается со своей командой, совсем рядом в столице голодной атеистической империи.

Библейско-советский коллаж .

Между Христом и Дьяволом фигурки Мастера и его любимой Женщины, медленно движущиеся сквозь убогий советский быт к Дьяволу, в выбранное ими бессмертие-покой.

У входа в ресторан. Фалосатый суетливый рукусуй с ухмылистым лицом (по сути сутенёр, а не вышибала) подходит вплотную. Рассматривает. Бодает головую воздух. Одобрительно похлопывает себя по круглому плечу, густо засыпанному перхотью. Примериваясь, делает два оборота ротом против часовой стрелки. Потом останавливается, проводит взглядом у меня по лицу две жирные линии и, скрипя сердцем, произносит мечтательно: „У!кокошу!“ .

Если русский язык - это больше России, а поэзия больше чем русский язык, то почему же поэты такие маленькие ? и зачем всё это бесконечное суестишие??

А братья всё бяшут и бяшут не лепо.

„Возлюби ближнего своего, как самого себя.“ А если себя не любишь?

Эко, эго отрастил!

Дурная голова бумаге покоя не даёт. Вот что.

А мы с тобой переплелись как две перепетии:
Теперь твоими бы устами да меня целовать бы... Взаосс!
И каждое утро своя камасутра и свой сексуальный харассмент,
ведь с голой выдумки хитры...
И аппетит приходил бы во время любовной игры...
Эх, так вот и жить бы, а тут...

Доморощенный иудеобуддизм: сам себе и талмуд, и нирванна, и гуру.
Кармосмесительная связь с самим собою.

Так ты и войдѣшь в нирванну, не выходя из-за своего письменного стола...
как же, держи карму шире.

Но никто не выходит со мною на связь. Может пора реинкарнироваться
снова.

Постмодерной банальностью
из цитат и судьбы
симулякры реальности
проросли как грибы.

При виде голой мысли возбудившись, Сутевед изливал свою душу
повсюду. Жена ходила с тряпкою за ним.

„А как ты думаешь, меня Господь замечает?“

На экране десяток мелких джугашвильчиков, как хищные рыбы в
аквариуме, переливаясь белыми, опухшими лицами и раззевая огромные органы
речи, кружится вокруг трибуны. Перемолотый вентилятором свет осыпается им
на головы. На трибуне молчит широкоскулый седой Авторитет. И в молчании его
отчётливо слышна какая-то фальшивая, но страшная интонация.

Буква Закона: „Ы“!

Моё бессмертие в архивах КГБ... А ваше ?

70 лет разрешил им Господь строить Башню Вселенской Коммуны
в северном Вавилоне. А потом истощилось терпенье Его и отпустил Он на
волю рабов и смешал языки. Не понимают больше друг друга...

Сытый бедному - свинья.

Народ-эпилептик. Конвульсии, революции, кровопускания...

Вблизи больших денежных масс жизненное пространство искривляется до
неузнаваемости. Скорость тьмы начинает существенно превышать скорость
света. Замедляется время решений. И обычные законы уже не действуют.
(О Приложении Общей Теории Относительности В Частной Экономике.)

Светильник разума, удушливо чадающий в ненаступивших сумерках богов.

Теперь, после многих лет в лабиринте, я уже знаю, что эти красивые нужные
вещи, на которые натыкаюсь всё время, они на самом деле не существуют.
Есть лишь одна Вещь, принимающая разные формы - для меня.

Г. Марк

[На Главную Страницу](#)